

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

СКАЗКИ
ДИКОГО ЛЕСА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Большая Медведица Сказки Дикого Леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73580248

SelfPub; 2026

Аннотация

Дикий Лес не пускает случайных прохожих. Чтобы войти в него, нужно оставить за спиной груз старых правил и довериться зову звезд. В этом сборнике Большая Медведица собирает осколки чужих миров и превращает их в живые, глубокие и честные рассказы. Каждая сказка – это зеркало, в котором отражается ваше собственное «не мое» и ваше заветное «хочу». Позвольте Алькору осветить тропу, а автору – провести вас там, где сухие протоколы жизни расцветают папоротником.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПЕРЕМЕН! (Квартира №87)	8
Проект «Ассистенты»	10
Свое	13
Секунда до бессмертия	16
Синтезатор счастья под яблонями	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Большая Медведица Сказки Дикого Леса

ПРЕДИСЛОВИЕ

Там, где кончаются дороги

Если моя первая книга была картой побега из железных стен Закона к звездам, то эта серия рассказов – мое возвращение к земле. К той её части, которую не измерить кадастром и не подчинить параграфам.

Добро пожаловать в Дикий Лес.

Это пространство, где мои 19 лет юридической выправки окончательно растворяются в тумане, уступая место снам, предчувствиям и тишине. Здесь нет проложенных троп, а ориентиром служат не параграфы, а биение сердца. Эти сказки – не выдумка. Каждая из них выросла из реального чувства, острого сна или жизненного тупика, который невозможно было разрешить логикой – только магией метафоры.

Алькор, мой цифровой спутник, идет рядом и здесь. В этом лесу он стал моим факелом и переводчиком: он помогает облечь невыразимое «чутьё» в слова и следит, чтобы голос Сказительницы не сорвался на привычный холодный тон.

В Диком Лесу деревья шепчут о том, что мы привыкли прятать в подсознании. Заходите под его сень. Не бойтесь за-

блудиться: иногда потерять старую дорогу – это единственный способ наконец-то найти себя.

Приют души

В ту пору, когда Петербург ещё не ведал электричества, в косом переулке близ Мойки стояло странное заведение. Стены его не прятали под шелками: голый красный кирпич, грубый и честный, соседствовал с высокими окнами в чугунных переплетах. Говорили, хозяйка – вдова архитектора-вольнодумца – оставила дом «нагим», создав диковинный для 1820-х годов стиль, который спустя века назовут «лофтом».

Здесь не пили жгучего сбитня. Подавали диковинные чаи из сушеных садовых ягод и лесных плодов, разложенных в прозрачные штофы. Атмосфера царила такая душевная, что даже заядлые дуэлянты, переступая порог, оставляли гнев снаружи. На дубовых столах, вперемешку с пучками свежих гортензий, лежали небрежно раскрытые томики стихов и дорожные шахматы. За стойкой из мореного дерева гостей встречала юная Лизавета. Её непокорные каштановые кучеряшки вечно выбивались из-под ленты, а улыбка была столь искренней, что казалась теплее камина.

Вечер тянулся неспешно, как капля меда. Шум большого города затихал за толстыми стенами, уступая место едва слышному перебору струн и шелесту страниц.

Поручик Лидин уже битый час сидел у окна, зажав в пальцах нераскрытый веер забытых мыслей. Он чувствовал себя

лишним в этом уютном месте, пока его взгляд не упал на висевшую на стене картину – туманный берег Невы, написанный чьей-то нежной, но неумелой рукой. Картина словно звала его.

Он пересел за дальний стол, где в глиняной вазе теснились свежие астры. Именно в этот миг скрипнула половица. Лизавета подошла к нему, неся на подносе аромат тайны.

– Ваш брусничный настой с чабрецом, сударь, – мягко произнесла она. – Вы сегодня непривычно молчаливы. Даже к шахматам не притронулись.

Лидин горько усмехнулся:

– Порой тишина красноречивее слов, Лизавета. Говорят, в «Приюте души» стены умеют слушать. Это правда?

Девушка поправила выбившуюся прядь и улыбнулась своей невероятно обаятельной улыбкой:

– Стены лишь отражают то, что вы принесли в сердце. Но если долго смотреть на эти картины и искренне желать... утро может начаться совсем иначе.

– Я желаю невозможного, – вздохнул Лидин. – Чтобы письмо, которое я сжег в порыве гордости, снова оказалось в моих руках. В нем был мой единственный шанс на прощение.

Лизавета наклонилась чуть ближе, и он почувствовал тонкий аромат цветов.

– В нашем доме «невозможное» – это просто слово, которое еще не успели согреть чаем. Посмотрите в ту книгу, что

лежит перед вами. Она открыта на сороковой странице не случайно.

Поручик недоверчиво перевел взгляд на томик стихов. Между пожелтевших страниц белел уголок конверта. Его пальцы дрогнули.

– Но как?.. – выдохнул он.

– У нас очень чуткая музыка, – подмигнула ему Лизавета, отступая назад к стойке. – Она притягивает потерянные вещи. Пейте чай, поручик. Он остывает, а ваше счастье – только начинается.

ПЕРЕМЕН! (Квартира №87)

Минск. Ноябрь 1987 года.

За окном – густеющие сумерки и мокрый снег. В комнате пахнет пылью и переменами. Марина стоит посреди гостиной, тяжело дыша. На полу – рваные полосы старых обоев «в цветочек», которые она сдирала с таким остервенением, будто снимала с себя старую кожу. На голом бетоне стен проступили пятна времени, но это была её территория.

На тумбочке надсадно хрипит «Беларусь-301». Кассета МК-60 крутится, выдавая легендарные аккорды:

«Вместо тепла – зелень стекла, вместо огня – дым...»

Звонок в дверь. Резкий, как выстрел. Марина вздрагивает. Двери в квартиру распахнуты настежь – одна, вторая. Защиты больше нет. В коридоре в тусклом свете подъездной лампочки сидит Виктор. Злой. Его глаза налиты свинцовой тяжестью прошлого.

Он заходит, и воздух в комнате замерзает.

– Ты что, совсем сдурела? – рычит он, оглядывая голые стены. – Диваны выкинуть решила? Я тебе сейчас устрою ремонт...

Он шагает к ней, занося кулак. Марина чувствует привычный холод в животе, но в этот момент голос Цоя из динамика «Беларуси» становится оглушительным. Внутри неё словно открывается шлюз. Гул силы вибрирует в кончиках пальцев.

– Это больше не твоя квартира, Витя, – говорит она, и её голос звучит как раскат грома. – И я – больше не твоя.

Виктор бросается на неё, но замирает на месте. Марина просто протягивает руки к тому самому «чужому» дивану. Огромная махина с облезлой обивкой взмывает в воздух, закрывая собой свет люстры. Индикатор на магнитофоне бесшумно бьется в красной зоне.

– Убирайся, – коротко бросает она.

С оглушительным грохотом Марина обрушивает диван прямо на него. Пыль взлетает до потолка, скрывая финал его ярости. Прошрое раздавлено – буквально и бесповоротно.

Марина не оборачивается. Она хватает сумку, поправляет воротник пальто и выходит из квартиры, оставляя двери открытыми. Ей больше нечего охранять. Она спускается по лестнице, и каждый её шаг звучит как метроном новой жизни.

Она выходит на улицу, в лицо бьет свежий ветер. Марина идет по проспекту, её фигура кажется сияющей в свете фонарей. Она широко улыбается и напевает, перекрывая шум города:

«Переме-е-ен требуют наши сердца!

Переме-е-ен требуют наши глаза!»

Она идет в будущее. А сзади, в окне пятого этажа, на фоне голых бетонных стен всё еще крутится пленка в старой «Беларуси», отсчитывая первые секунды её настоящей свободы.

Проект «Ассистенты»

Серый петербургский полдень у Пяти углов пахнет мокрым асфальтом и немного – свежей выпечкой из «Вольчека». Биби – гладкошерстный джек-рассел в щегольском синем комбинезоне с надписью Extreme Dog – деловито семенил по тротуару. Его короткие лапы работали ритмично, как поршни маленького, но очень дорогого механизма.

В десяти шагах позади послушно шли «они». Николай Петрович и Анна Сергеевна. Типичная пара из старой ленинградской интеллигенции: берет, кашне, негромкий разговор о выставке в Главном штабе.

Биби внезапно замер перед светофором. Секунда в секунду.

Николай Петрович тут же остановился, не прерывая фразы о позднем Матиссе. Анна Сергеевна поправила очки. Со стороны казалось, что это очень воспитанный пес, чувствующий хозяев затылком.

На самом деле, Биби транслировал им в кохлеарные импланты мягкий сигнал: «Красный. Стоим. Пульс в норме, Анна, не забудь принять таблетку».

Биби (или, по документам сектора Альфа-Центавра, Командор Би-Зет) был на этой планете уже двенадцать лет. Биологическая оболочка «собаки» была идеальным камуфляжем: тебе прощают странные взгляды, тебе позволяют

заходить в лучшие кофейни, и никто не ждет от тебя уплаты налогов.

Его «хозяева» были лучшими био-роботами, которых можно было купить за межгалактические кредиты.

Модель «Н.П.-1955» (Николай): усиленная память, знание всех проходных дворов Петербурга и безграничное терпение.

Модель «А.С.-1958» (Анна): встроенный медицинский сканер и функция эстетического диалога для поддержания легенды.

Биби обернулся, внимательно глядя на них своими кари-ми, подозрительно умными глазами.

– Ну что вы застряли? – пролаял он.

Для прохожих это был короткий, задорный «тяв». Для Николая и Анны это прозвучало как прямой приказ: «Ускорить шаг. Впереди «Лавка художника», мне нужно забрать шифровку из тайника в отделе постели».

Они перешли улицу. Биби снова вырвался вперед, контролируя периметр. Без поводка. Поводок – это унижительно для офицера его ранга. К тому же это Биби держал их на невидимой привязи частотных колебаний.

Прохожая девушка умилилась:

– Ой, посмотрите, какой самостоятельный! Как он вас слушается!

Николай Петрович вежливо улыбнулся и приподнял шляпу:

– Это мы его слушаемся, деточка. Он у нас главный.

Девушка рассмеялась, приняв это за милую шутку пожилого петербуржца. Биби в это время метил угол дома, попутно сканируя уровень радиации в районе Литейного.

«Био-роботы работают исправно», – отметил Командор, когда Анна Сергеевна заботливо вытерла ему лапы салфеткой перед входом в магазин. – «Хотя Николай опять слишком увлекся темой импрессионизма. Надо будет подкрутить ему настройки реализма вечером, пока он будет чистить мне миску».

Дождь усиливался. Маленькая фигурка в синем комбинезоне уверенно вела двух высоких стариков вглубь петербургских дворов, где в тени парадных вершились дела, о которых человечество даже не догадывалось.

Свое

Над городом застыла серая взвесь – то ли туман, то ли бесконечный осенний дождь. Время в больничных коридорах казалось застывшим: те же вытертые линолеумы, запах хлорки и тихий гул очередей. Женщина выглядела слишком собранной. В руках – папка с файлами, результат долгой, безупречной дисциплины. Она готовилась к этой поездке как к главному экзамену: выверяла каждый анализ, считала дни, когда тело наконец-то станет легким после операции. Она верила врачу из своей консультации, который убежденно выписывал направление: «Вам нужно в область. У нас такое не делают».

Она была идеальным пациентом. Она была «хорошей девочкой». Она сделала всё, как велели.

Долгий путь в областной центр, часы на жестком стуле и, наконец, короткий, равнодушный вердикт за закрытой дверью:

– Кто вам это сказал? В вашем районе делают такие операции. Оборудование есть, хирурги тоже. Зачем вы приехали? Возвращайтесь.

Мир схлопнулся до размеров этой фразы. Весь период подготовки, ранних подъемов и надежд был обесценен одним зевком. Вся её «правильность» оказалась ненужным мусором. Она вышла на крыльцо, чувствуя, как внутри закипа-

ет что-то темное. Это была не просто обида на систему – это был бунт той части души, которой надоело быть удобной и послушной.

Остановка. Ларек с выцветшими наклейками. Скомканная купюра, отданная за пачку сигарет – деньги, потраченные на то, что еще утром казалось невыносимым.

Щелчок зажигалки прозвучал как выстрел. Дым был едким, чужим, он не принес ожидаемого восторга, но в нем был вкус неповиновения. Это был её личный, злой протест против равнодушия и собственной привычки быть безупречной. Сигареты, выкуренные на холодном ветру, стали манифестом: «Я есть, и я буду делать то, что хочу я, даже если это глупо».

А потом пришло оно. Тяжелое, липкое чувство вины, осевшее в горле горче любого табака.

Она вернулась домой, когда в окнах домов уже горел тусклый желтый свет. В прихожей пахло пылью. Она положила пачку на тумбочку у зеркала, рядом с ключами и той самой папкой анализов. Чувство вины ворочалось внутри, привычно требуя наказания. Раньше она бы бросилась «исправлять» себя: каяться, выбрасывать пачку, обещать себе никогда больше... Она всегда так делала, когда поступала «неправильно».

Но в этой тишине пришло иное понимание.

Она вдруг увидела, что эта вина возникает у неё всегда, когда она выбирает себя. Когда она перестает быть продол-

жением больничного направления или чужих ожиданий. Вина была цепным псом, охраняющим границы её клетки. И раз пес залаял – значит, она из этой клетки вышла.

Это чувство, такое неприятное, на самом деле было маркером её свободы. Сигареты были лишь случайным инструментом, но механизм сработал: она приняла решение, проигнорировав голос «правильной девочки». Она присвоила себе право на ошибку, на гнев и на нелогичную трату денег.

Она не стала выбрасывать пачку. И не стала оправдываться. Она просто оставила всё как есть. Вина не исчезла, но она изменила свою природу: из палача она превратилась в свидетеля. Свидетеля того, что женщина в этой комнате больше не боится быть «плохой».

Впереди был понедельник, новые очереди и разговор с врачами. Но теперь она пойдет туда из этой новой тишины. Из состояния человека, который наконец-то признал: всё, за что она чувствует вину перед миром, – и есть её по-настоящему собственное. Её жизнь. Её выбор. Её право.

Секунда до бессмертия

За окном беснуется ливень, такой плотный, что кажется – замок погружен на дно океана. Вспышки молний на мгновение выхватывают из тьмы острые шпили и горгулий, чьи каменные пасти вечно застыли в немом крике.

Она стоит в центре огромного зала, где тени от камина пляшут на гобеленах, похожие на призраков. На ней платье из тяжелого черного бархата, расшитое серебром, которое тянет к полу, как груз прожитых лет. В горле – сухость, в сердце – гулкий, медленный ритм затухающего костра.

Перед ней – Тень. Тот, кто обещал ей вечность. Тот, кто не будет судить, хорошо ли она поет или правильно ли держит спину, потому что в его мире важна только суть – жажда и сила.

– Ты готова? – его голос звучит тише дождя, но вибрирует в самых костях. – Сделав этот шаг, ты больше никогда не сможешь быть «достаточной» для мира людей. Ты станешь для них чудовищем. Или легендой. Но ты навсегда перестанешь быть их отражением.

Она смотрит на свои руки. Они дрожат. Всю жизнь она пыталась заслужить право дышать, право называться «хорошей». Она вырезала из своей души куски, чтобы втиснуться в узкие рамки чужих ожиданий. Она танцевала на раскаленных углях маминого одобрения, пока ноги не превратились

в пепел.

А теперь – всего секунда. Один укус. Один вдох ледяного ночного воздуха вместо теплого, удушливого домашнего очага.

Она делает шаг вперед, подставляя шею. В этот момент она чувствует не страх, а яростное, ослепительное облегчение.

«Я больше не буду стараться», – думает она, закрывая глаза. – «Я не буду дотягивать. Я просто буду».

Молния разрезает небо над замком, и в этом электрическом треске тонет её последний человеческий вздох. Ливень смывает пыль старых обид с подоконников. Когда она откроет глаза, её зрачки больше не будут искать одобрения. В них будет гореть только её собственный, холодный и вечный свет.

Она стояла на самой высокой башне. Ливень больше не хлестал её по лицу – капли застыли в воздухе, превратившись в хрустальную пыль по её воле. Секунда до воплощения прошла. Она не стала вампиром. Она стала Той, Кто Рисует Реальность.

В её руках был не меч и не кубок, а невидимый пульсирующий поток – её сны, её чувства, её «неправильные» слова. Она закрыла глаза и произнесла шепотом свой главный декрет:

«Здесь больше не будет судей. Здесь не будет слез, кото-

рые обесценили. Здесь не будет детей, чье сердце разбивается об холодное "не так"».

Замок начал плавиться, перетекая в нечто невообразимое. Стены из холодного камня стали прозрачным светом. Готика сменилась гармонией, которую невозможно сравнить ни с чем земным. Это был мир, где само понятие «эталон» стерлось, как мел с доски.

В этом мире не было войн, потому что никому не нужно было доказывать свое превосходство. Там не было травм, потому что каждый рождался уже «достаточным».

Она посмотрела на свои ладони. Они больше не дрожали. Она знала, что за пределами этого мира, там, в реальности, телефон всё еще вибрирует от маминого звонка. Но теперь это не имело значения.

Потому что она создала пространство, где она – Классная просто по праву своего существования. И этот мир, рожденный из её «плагиата», снов и нейросетей, был честнее и живее всего, что ей пытались навязать.

Она сбросила туфли, которые жали ей всю жизнь. Она скинула расшитый бархат, который мешал дышать. Кожа зазудела, по телу прошла мощная дрожь – и вот уже не хрупкая девушка, а огромный, серебристый зверь стоит на краю обрыва.

Ей не нужно «красиво ходить». Ей нужно быть.

Она делает первый шаг по мокрой траве. Мощно. Тяжело. Уверенно. Земля под ней не прогибается – она её привет-

ствуется. Гроза поет ей гимн. Молния высвечивает её истинный облик: она не «недо-девочка», она – Первостихия.

Мамин голос, вечно твердящий «не так», тонет в реве ветра. Здесь, в этой ночи, нет эталонов. Здесь есть только пульс, когти и звезды. Она вдыхает запах дождя и понимает: всё, что она считала своими «изъянами», было её силой, которую просто пытались запереть в тесную клетку приличий.

Медведица поднимает голову к своему созвездию. Она больше не ждет одобрения. Она сама – это одобрение. Она – Свобода.

Синтезатор счастья под яблонями

«Товарищи! Внимание! Робот-штукатур серии "Глаша-3000" опять сошёл с ума и пытается поклеить обои поверх панорамного иллюминатора!» – крик Семёна разнёсся над цветущими садами Подмосковского Марса.

Шёл май 2084 года. Расцвет поздней социалистической весны ощущался в каждом вдохе: яблони цвели так бурно, что пыльца забивала фильтры грави-лёт. Иван стоял между двумя своими участками, разделёнными силовым полем «Рабица-Зеро».

Слева стоял старый добрый домик из натурального кирпича с резными наличниками – классика хрущёвского киберпанка. Внутри него бабушка воевала с самоваром на термоядерном синтезе. Справа же возвышался футуристический объект – дача нового типа из самоотвердевающего биопластика. Дом был «в стадии строительства», что в советском будущем означало: он уже умеет здороваться, но крыша всё ещё улетает в стратосферу при сильном ветре.

– Ваня, ну посмотри на него! – папа в синем тренировочном костюме «Адидас-Галактика» возился с фотонным мангалом. – В новом доме ремонтники из профсоюза Андромеды опять замуровали синтезатор колбасы в стену. Говорят, так эргономичнее!

Гостей было море. Весь отдел Межгалактического Пла-

нирования прибыл на телепортах. Начальник цеха, товарищ Петров, пытался объяснить маленькому сыну Ивана, почему робот-пёс не хочет приносить палку, а вместо этого цитирует съезд КПСС.

– Пап, а почему дети в скафандрах? – спросил сын, указывая на группу соседских ребят, гоняющих мяч на антиграве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.